

В. Е. МАЙЕР
Удмуртский университет

КРЕСТЬЯНЕ ГЕРМАНИИ К ВОСТОКУ ОТ ЭЛЬБЫ В XII—XV ВВ.

История крестьянства к востоку от Эльбы (Бранденбург, Мекленбург, Померания, Пруссия и остров Рюген) до XVI в. в нашей литературе как отдельная проблема еще не рассматривалась. В то же время она представляет немалый интерес по ряду причин. Во-первых, здесь сталкивались интересы местных племен, славян и пруссов, с захватническими устремлениями феодалов германских княжеств. Уже в силу этого важно выяснить, как складывались взаимоотношения между крестьянами-немцами, переселившимися в Заэльбье, и местным славяно-прусским крестьянством. Во-вторых, в течение почти двух веков буржуазная немецкая историография рассматривала историю Заэльбья в целом, крестьянства в особенности, с великодержавных позиций, стараясь охарактеризовать захват и колонизацию Заэльбья как проявление великого подвига немецкой нации, как торжество немецкого феодального «порядка» над славяно-прусской «неорганизованностью». И только в последние неполные два десятилетия историки ГДР подходят к этим вопросам с новых марксистско-ленинских позиций, которые позволяют внести существенные поправки в прежнее представление об истории крестьянства этого края.

Учитывая сказанное, мы ставим задачу показать в самых общих чертах состояние литературы по проблеме и проследить на ее основе историю заэльбских крестьян Германии XII—XV вв.

Пристрастие буржуазной историографии к Заэльбью в целом отразилось и на изучении истории крестьянства этой области. Прежде всего буржуазная историография никогда не ставила вопросов по истории крестьянства во всем объеме. Ее интересовала почти исключительно проблема юридических прав и обязанностей. При этом подчеркивалось различие между немецким правом и тем порядком, который застали немцы у славян и пруссов. Далее, она старалась подчеркивать превосходство немецкого хлебопашца над местным. Наконец, она всегда преувеличивала организаторскую роль феодалов в определении судьбы крестьянских хозяйств и считала, что с конца колони-

зации (ок. 1300 г.) и до начала XIV в., т. е. в течение двух веков, не происходило каких-либо сдвигов в положении крестьян.

Как совершенно правильно показывает один из прогрессивных западногерманских историков Ф.-В. Геннинг, в течение почти двух веков историки спорили вокруг вопроса о юридических правах пруссов на землю. Если Л. Бачко полагал, что «некрещенные» и «насильственно крещенные» пруссы были «несвободными», но «полными собственниками земли», то И. Фойгт, опровергая это, утверждал, что пруссы имели только «владельческое право» на землю, которое не может быть отождествлено с «правом собственности». Впоследствии Г. Аубин вообще считал, что нельзя говорить о каком-то праве пруссов на землю, так как их обычай наследовать надел сложился до возникновения государства, установившего впервые понятие права. Подведя итог спору, Геннинг заявляет, что те пруссы, которые в ходе завоевания становились несвободными, юридически не были ни собственниками, ни владельцами земли, так как порядок унаследования ими крестьянских наделов устанавливался и регулировался феодальными господами¹. Геннинг, таким образом, совершенно не сомневается в том, что немецкие феодалы в ходе завоеваний насильственно отняли у местного населения их земли. Иначе говоря, для него совершенно ясно, что это грабеж, хотя он и остерегается его так назвать.

Русский дореволюционный историк Д. Н. Егоров впервые поднял вопрос о том, что после захвата немецкими феодалами Заэльбья оно заселяется на основе «немецкого или кульмского права» не только немцами, но и славянами и пруссами. Немецкое крестьянство заселяло, как он доказывает, только центральные районы, более отдаленные, периферийные районы были заселены преимущественно представителями местного населения².

Такие видные западногерманские историки, как В. Абель³, Ф. Лютге⁴ и Г. Франц⁵ в своих обобщающих работах по истории средневековой Германии полностью повторяют то, что писали историки о крестьянстве Заэльбья в течение XIX—XX столетий, стараясь при этом усилить впечатление о превосходстве немецкой феодальной организации хозяйства.

Впервые в немецкой историографии отказались от формально-юридического и великодержавного подхода к крестьянству Заэльбья историки ГДР И. Хагеманн, М. Унгер, С. Эпперлейн, Э. Мюллер-Мертенс, Х. Герикке⁶ и др. Они подчеркивают, что колонизация была проявлением определенного уровня развития производительных сил, характеризовавшегося в целом как процесс отделения ремесла от земледелия. Крестьяне уходили с запада, спасаясь от тяжелого гнета, а не в силу малоземелья. Правда, в ходе ликвидации барщинных дворовых объединений, так называемых вилликаций, часть крестьян, ранее

имевшая надель, оказалась лишенной земли, и обезземеленное крестьянство тоже уходило на восток. Но это свидетельствует только о том, что земля на западе была неравномерно распределена, а не об отсутствии ее вообще. Историки ГДР опровергают также легенду о заселении Заэльбья по заранее продуманному и единому плану. Они подчеркивают, что конкретные хозяйства, созданные в ходе колонизации, были различны по размерам и назначению. Кроме того, в результате исследований историков ГДР выяснено, что о времени хваленного планомерного заселения вообще не сохранилось достаточно достоверных документов, при помощи которых можно было бы обрисовать вполне ясную картину происходивших тогда событий. Благодаря стараниям историков ГДР в настоящее время обстоятельно выяснено положение крестьян Бранденбурга, и то только со второй половины XIV в., когда в этом маркграфстве была составлена первая перепись ⁷.

* *
*

На основе литературы колонизация Заэльбья немецкими крестьянами и переход местного населения к ведению хозяйства по привнесенному с запада образцу представляется следующим образом.

Самой колонизации предшествовало завоевание Заэльбья, начатое в X в. королями и императорами Германии и окончательно завершенное князьями в XII—XIII вв. Завоеванные земли с VI—VII вв. заселяли славяне и пруссы. Однако, возможно, что ближе к Эльбе сохранилось небольшое число поселений потомков древних германцев, занимавших здесь более обширные пространства до начала так называемого великого переселения народов ⁸.

К началу и в ходе немецких завоеваний здесь возникали и распадались отдельные княжества славян и пруссов, в которых были весьма сильны ростки феодализма. Однако дело не доходило до образования своего государства. Славяне и пруссы оставались язычниками, и язычество являлось знаменем борьбы против немецко-феодалной агрессии.

Еще до широкого потока колонизационного движения местное население было подвергнуто насильственному крещению. В основных районах инициатива христианизации исходила от немецких феодалов. Однако славянам Померании христианство было навязано польским королем Болеславом I Храбрым, а среди славян острова Рюгена его распространил Вальдемар Датский ⁹.

Следует также отметить, что все Заэльбье еще до колонизационного движения было объявлено собственностью крупных светских и духовных феодалов, которые здесь создавали свои

феодалы и территориальные объединения — Бранденбург, Мекленбург, Рюген, Померанию и Пруссию.

Захват и раздел, а затем и колонизация охватывают, таким образом, время с 20-х гг. X в. до конца XIII (обычно считают, что 1300 г. — конец всей этой многострадальной истории), т. е. от двух до трех с половиной столетий. Разумеется, опрометчиво считать, что на протяжении всего этого периода феодалы действовали по заранее разработанным наметкам и повсюду выступали одинаково. Также совершенно неверно думать, что результаты их действий должны были быть одинаковыми.

Если конкретно говорить о крестьянской колонизации Заэльбья, то традиционно буржуазная историография особо подчеркивает, что во многих местах она проводилась «мирным» путем (в районах Померании, острова Рюген и восточной части Мекленбурга). «Мирный» характер усматривается в том, что сюда после христианизации местного населения немецкие крестьяне были приглашены феодалами славянского происхождения¹⁰. При этом забывается, что вожди славянских племен в ходе борьбы с немецкими феодалами изменили своим единоплеменникам, противопоставив себя собственному народу. Кроме того, как справедливо отмечает историк ГДР Х. Герикке, совершенно не учитывается, что немецкие крестьяне-колонисты столкнулись здесь с сильным сопротивлением местных крестьян, которые в конечном итоге были вытеснены со своей земли¹¹. Для Восточного Мекленбурга Д. Н. Егоров доказал преобладание внутренней колонизации, главными участниками которой явились аборигены, вытесненные немцами из центральных районов¹².

В Пруссии, Западном Мекленбурге и Бранденбурге инициатива заселения полностью исходила от маркграфов, герцогов и магистров Немецкого ордена, которые присвоили насильственным путем верховное право (*ius ducale*) на землю. Хотя и здесь имелось немало феодалов из славян, они почти не участвовали в организации переселения крестьян с запада.

Забегая вперед, следует отметить, что ко времени завершения колонизации немцы составляли не более 50 % населения Бранденбурга, Мекленбурга, Рюгена, Померании и Пруссии. Кроме того, в разгар переселенческой эпопеи немцы шли и дальше на восток, заселяя Силезию, где они к 1300 г. составляли около 15 % населения, и проникая в Польшу, Чехию, Моравию и другие восточные страны и области¹³.

Поскольку не сохранились непосредственные данные о колонизации, историки реконструируют возможный ее вариант на основе двух документов второй половины XIV в. («Территориальная книга марки Бранденбург 1375 г.» и «Территориальный реестр сеньории Сорату 1381 г.»¹⁴). Черпая из них сведения о положении крестьянства и деревни в конце XIV в., ученые сопоставляют их с более отрывочными и узколокальными дан-

ными уркунден и хроник предшествующих столетий и на основе этого делают выводы, которые затем распространяются на всю территорию Заэльбья и весь предшествующий период.

Традиционно считается, что для всей крестьянской колонизации были наиболее характерны организационные моменты. Повсюду маркграфы, герцоги, князья, магистры орденов и вообще собственники и ленники захваченной земли находили достаточно инициативных людей, которых историки называют локаторами, чтобы им поручить вербовку в Старой Германии крестьян и переселить их на заэльбские земли. От субъективных качеств локаторов, территориального происхождения переселенцев, их обычаев и зависели конкретные результаты колонизации — форма поселения, структура полей, организация управления и т. д.

Впервые обстоятельно рассмотрен ход и показаны результаты крестьянской колонизации в книге Э. Мюллера-Мергенса, посвященной истории крестьянства Бранденбурга¹⁵. Он говорит о трех вариантах этого процесса, связывая их с тремя районами Бранденбурга — Альтмаркой, Миттельмаркой и Уккермаркой. В Альтмарке, которая наиболее близко расположена к Старой Германии, особенности колонизации определялись в первую очередь тем, что военные столкновения между немцами и славянами начались еще в X в. Местное население за два века до колонизации настолько поредело и было сломлено, что в XII в. практически маркграфу никто не оказывал сопротивления, и он не нуждался в помощи рыцарей и министерялов. Поэтому рыцарство здесь не принимало участия в распределении земли. Функции локаторов поручались горожанам и зажиточным крестьянам. Даже по переписи 1375 г. в Альтмарке числилось довольно мало рыцарских хозяйств. Основная часть населения состояла из крестьян, которые проживали преимущественно на землях самого маркграфа.

В Миттельмарке маркграф натолкнулся на исключительно упорное сопротивление, что заставило его усилить свое войско за счет министерялов, не имевших дворянского звания. Именно эти люди, которые в ходе боев аноблировались, были особенно заинтересованы в получении наделов, на которых можно было бы поселить крестьян. В Миттельмарке маркграф поручал подобным аноблированным рыцарям функции локаторов. В результате в этом районе были созданы крупные рыцарские хозяйства, объединявшие с самого начала по несколько гуф земли. Крестьянских хозяйств в Миттельмарке было значительно меньше.

Своеобразие Уккермарки заключалось в том, что заселение ее колонистами происходило еще до того, как там появился маркграф со своим войском. Инициаторами заселения Уккермарки выступали герцог Померании и перешедшие на его сторону славянские феодалы. Первоначально вся земля была

объявлена собственностью герцога и перешедших на его сторону славянских феодалов. С приходом маркграфа все они были объявлены ленниками, а земля — их леном от маркграфа. В этом районе локаторами выступали славяне, которые приглашали сюда прежде всего немецких крестьян. Сказанное наглядно свидетельствует об отсутствии у феодалов Бранденбурга какого-нибудь плана заселения.

Еще в большей мере об отсутствии такого плана свидетельствует колонизация Пруссии. По сообщению К. И. Фукса, в этом районе по инициативе Немецкого ордена, захватившего всю Пруссию, первоначально были созданы одни монастырские хозяйства, так называемые грангии, в которых трудились одни послушники. По существу, это были крупные хозяйства, рассчитанные на обеспечение монастырей продуктами. Однако вместе с развитием товарно-денежных отношений все больше выяснялось, что подобные хозяйства не в состоянии обеспечить спрос на рыночную продукцию. Поэтому грангии разбивались на более мелкие хозяйства, которые вручались крестьянам¹⁶. К сожалению, Фукс не сообщает хронологические рамки этого процесса. Можно, однако, безошибочно говорить, что он происходил до начала XIV в.

Историки подчеркивают, что в ходе завоеваний образовалось немало обезлюдивших хозяйств. Кроме того, в Заэльбье имелось еще значительно больше залежной земли, чем в Старой Германии. По всей вероятности, такие земли заселялись раньше всего. Славянские поселения оставались потесненными островками между новыми немецкими поселениями, которые и по размерам были больше и имели значительно более обширный пахотный ареал. Немецкие крестьянские хозяйства по своим размерам и применявшейся в них агротехнике стали образцом, по которому затем были реорганизованы и славянские хозяйства¹⁷. Для этой реорганизации характерны объединение нескольких прежних славянских крестьянских хозяйств и отдача нового хозяйства в держание одному из славянских крестьян. Обычно на таким образом созданное хозяйство приглашался житель из другой деревни. Следовательно, реорганизация связана с дополнительной экспроприацией славянского населения. Оставшееся без гуфного надела население деревни переводили в категорию огородников, которым давалось не более двух-трех акров земли, лежавшей за пределами сельского пахотного ареала.

Вновь созданные немцами-колонистами поселения отличались не только от прежних славянских, но и от деревень Старой Германии. Здесь не создавались кучкообразные славянские поселения, вейлеры и дворовые хозяйства. Новые деревни имели односторонние и двусторонние («строчечные») улицы. Местами посередине двусторонней деревни оставялась вытянутая эллипсовидная площадь, где строилась церковь. В соответствии с фор-

мой деревни пахотные земли были либо разбросаны по конам и полям и подчинялись принудительному севообороту, регулируемому общиной, либо каждая гуфа (обычно при одностороннем уличном поселении) была расположена сразу за усадьбой крестьянина.

Поток колонистов, судя по документам и распространявшимся в Заэльбье наречиям, шел со всей Старой Германии, особенно из Тюрингии, Саксонии, Франконии и Вюртемберга. Кроме того, исключительно активно участвовали в колонизации крестьяне Нидерландов. Их охотно приглашали феодалы на заболоченные земли, где они широко применяли свой опыт ведения мелиоративных работ. В историю Заэльбья они вошли под названием фламандцев.

* *
*

Что представляли собой основанные колонистами хозяйства и как осуществлялась феодальная эксплуатация в Заэльбье в XII—XIII вв.?

Как сообщает Фукс, локаторы вместе с пришедшими сюда крестьянами при помощи бечевки или ветки разбивали наделы, которые, как и на западе, назывались гуфами¹⁸. По размерам гуфы одной деревни были приблизительно равны между собой. Однако отсутствовало единство в размерах гуф даже в пределах небольших районов, что затрудняет в наши дни исследование хозяйственного положения крестьян. Чтобы в какой-то мере внести в этот вопрос систему, исследователи обычно различают гуфы двух типов: немецкую и фламандскую. Немецкая гуфа больше, чем фламандская. Однако точных размеров для нее не было — Мейх считает ее равной 24 га, в то время как Мейцен утверждает, что она исчисляется в 35—37,5 га¹⁹. Фламандская гуфа равна 16,8 га. В Мекленбурге, где преобладала немецкая гуфа, она, до Магеру, исчислялась в среднем от 39 до 42 га²⁰. Таким образом, гуфа в Заэльбье в любом варианте была значительно больше, чем в Старой Германии, где она обычно насчитывала около 10 га. Предполагается, что каждому крестьянину-колонисту нарезывалось по одной гуфе земли. Значительно больше земли давалось локаторам. Хотя и для них не существовали какие-то заранее определенные нормы, обычно им давали каждую четвертую гуфу от общего количества гуф в основанной ими деревне²¹. Следовательно, в каждой вновь основанной деревне имелись крестьянские хозяйства, по количеству земли приблизительно равные между собой, и локаторские хозяйства, которые всегда были больше крестьянских. Поскольку локаторы, если они были из крестьян или горожан, становились старостами в основанных ими деревнях, их

хозяйства нередко назывались хозяйствами шульца. Там, где локаторами были рыцари, хозяйства соответственно назывались рыцарскими. Поскольку, по существу, локаторские хозяйства всегда были больше крестьянских, в литературе их называют рыцарскими и, следовательно, различают только две формы хозяйств — крестьянские и рыцарские.

По характеру крестьянская гуфа всегда была оброчной (*mansi censuales vel pactuales*), в то время как рыцарская гуфа полностью освобождалась от оброка (*mansi liber*). Первоначально оброчная или ценовая гуфа давалась только колонистам, но при реорганизации славянских поселений, а в некоторых местах и раньше, славяне также наделялись ею. Характерно, что оброчные обязанности связывались с типом гуфы, поэтому при переходе гуфы к представителям иной социальной категории (бюргерам или дворянам) она оставалась ценовой, и новый ее владелец обязывался выполнять тот оброк, который платил с нее прежний владелец. В то же время новый владелец имел право выкупить оброк и освободиться от его дальнейшей уплаты. Отсюда с самого начала собственники земли в Заэльбье особенно следили, чтобы ценовые наделы оставались в руках крестьян. Рыцарские гуфы, которые давались не только локаторам, но и вообще за военную службу, полностью освобождались от всякого оброка и поэтому назывались «свободными гуфами».

Большинство исследователей подчеркивает, что крестьяне распоряжались гуфой как своей собственностью. Это создает впечатление, что для Заэльбья можно говорить о крестьянской собственности на землю. Но на деле это было не так. Как совершенно правильно отметил Магер, феодал неизменно оставался собственником земли. Ему поступала рента независимо от того, кто конкретно владел участком²².

В основанных колонистами хозяйствах трудились преимущественно крестьяне. Прежде всего крестьянин сам вел хозяйство. Кроме того, он нес барщину на земле рыцарского хозяйства. Барщинный труд связывался с рыцарской гуфой в буквальном смысле этого слова. Если такая гуфа переходила в руки старосты, она по-прежнему содержалась барщинным трудом. Наряду с крестьянским трудом с самого начала использовался труд наемных работников и поденщиков.

Во многих деревнях в ходе колонизации создавались так называемые священнические дворы. Как правило, они сдавались в аренду зажиточным крестьянам. По размерам рыцарские дворы, а также старост и священников мало отличались друг от друга. Западногерманский историк Ф. Лютге считает, что к рыцарскому двору в среднем принадлежало в Альтмарке от 3 до 4 гуф, в Неймарке 8,5, в Миттельмарке 6, в Мекленбурге 3—4 гуфы, а иногда даже до 8 гуф. В Пруссии давалось рыцарям за тяжелую службу до 40, а за легкую 10 гуф²³. Ина-

че говоря, рыцарские хозяйства с самого начала представляли собой настоящие поместья или вотчины.

Размеры крестьянских хозяйств славян неизвестны. Подчеркивается только, что на их землях создавались надельные хозяйства, размеры которых равнялись фламандской гуфе, т. е. они имели в среднем 16,5 га. Однако во многих местах сохранились или создавались вновь хозяйства дедициев, которые не превышали двух-трех моргенов. Их владельцами неизменно были славяне, которые занимались пчеловодством и, соответственно, платили оброк пчеловодов²⁴.

Трудно точно определить время, когда были созданы хозяйства огородников или коссэтов. По существу, названия «огородники» и «коссэты» обозначают одну и ту же социальную категорию малоземельных крестьян. То, что их надельные земли лежали отдельно от пахотного ареала деревни и не подчинялись принудительному севообороту, может свидетельствовать об их возникновении позже колонизационного времени или, во всяком случае, не одновременно с деревней. Зачастую земли огородников и коссэтов являются доказательством освоения залежной земли. В целом можно отметить, что они были результатом процесса дифференциации в заэльбской деревне. Не совсем ясно, почему западногерманский историк В. А. Бэлке считает, что в ходе колонизации были основаны отдельные деревни из одних огородников²⁵. Если подобная версия подтвердится, тогда возникнет необходимость выяснить, кем были первые огородники по своему социальному статусу. С течением времени надельные огородников создавались и на крестьянских наделах или, как подчеркивают исследователи, на гуфной земле. В XV в. надельные огородников и коссэтов нередко расположены на гуфной земле вперемешку с прочей крестьянской землей.

Все крестьяне обязывались платить ренту. Историки в прошлом веке считали, что в Бранденбурге право получать ренту принадлежало только маркграфу. Однако позднее отдельные буржуазные и особенно марксистские историки доказали, что ренту повсюду получали те представители феодалов, которые либо на аллодиальных, либо на ленных началах считались собственниками земли²⁶.

Рента складывалась из различных компонентов. На первом месте стоял чинш, который был постоянным по величине и взимался в одинаковых размерах с гуф определенного образца, чаще всего деньгами, иногда продуктами или тем и другим. На втором месте шла десятина, которая взималась с зерна (*decima frugum*, *decima frumenti*) и со скота (*decima minuta*, *decima carnium*). Этот компонент не мог быть постоянным, так как каждый год менялся размер урожая и количество скота.

Кроме всего указанного, князья взимали с крестьян, как и со всего населения, нерегулярный налог — *bede* или *ргесагя*, который, однако, к концу XIII в. повсеместно превратился в

земельный налог с чиншевых гуф. Известно, что во всем Бранденбурге рыцари после длительной борьбы заставили маркграфа в 1280—1282 г. превратить *bede* в постоянный денежный налог с чиншевых гуф²⁷. Аналогично поступали и рыцари Мекленбурга около 1300 г.²⁸ К концу XIII в. земельный налог не превышал $\frac{1}{10}$ части чинша с гуфы. Все крестьяне обязывались выполнять гужевую повинность (*servitium cingium*) при строительстве князем мостов, дорог и бургов и в военное время. В некоторых местах крестьяне платили пфеннинг «за чеканку монеты», «куру с дыма», связку льна или связку конопли и т. п. Не везде возможно установить количество подобных поборов и тем более их размеры.

Лучшей формой крестьянского держания считался наследственно-чиншевый надел (*Zinserbgt*), т. е. надел, который передавался по наследству и с которого взимался длительное время одинаковый чинш. Эта форма была наиболее распространенной. Надел шульца считался наследственным и был освобожден от оброков и налога. Имелись наследственно-срочные держания (*Erbfallgut*), т. е. такие, которые наследовались за определенную плату, хотя размеры чинша не изменялись²⁹. В отдельных случаях феодал прерывал наследственный характер подобного надела. Наконец, имелись ограниченно срочные держания, которые были особенно распространены в Пруссии и применялись только в домениальных владениях. Хозяйства славянских крестьян постепенно все переводились на так называемое немецкое право.

Немецкий крестьянин-колонист и славянский крестьянин с преобразованным хозяйством были более обеспечены, чем крестьяне в Старой Германии и славянские крестьяне до колонизации. Хозяйственное положение и личная свобода (всех немцев и части славян) стали надолго стимулом их труда. В первые годы колонизации немецкие крестьяне-колонисты и по их примеру крестьяне славянского происхождения подняли на новую ступень сельскохозяйственное производство. Были взяты под плуг обширные просторы залежей, болотистых и лесистых мест. Стали глубже и чаще пахать пашню, шире применялись удобрения, вместо ячменя стали сеять рожь. Употреблялись орудия труда с железными рабочими частями, коса вытеснила серп. Урожайность была поднята до «сам-4» и «сам-5». Повсюду создавались условия для более обеспеченной жизни³⁰.

Немецкий крестьянин-колонист, выиграв экономически, потерял много в плане самоуправления. Даже такие буржуазные историки, как А. Бреннеке, вынуждены признать, что здесь не было того твердого правового порядка в деревне, как на западе. Нигде не появлялись записи крестьянских обычаев, такие, которые на западе носили название «вейстюмов»³¹. Все сельское управление находилось в руках верного феодалам шульца.

Он был судьей по вопросам преступлений низшего порядка, выполнял полицейские и административные функции, собирал ренту, регулировал взаимоотношения между крестьянами. Его надел, как подчеркивалось, полностью освобождался от всяких поборов. Временный успех был достигнут также в результате истребления славян и частичной экспроприации оставшихся в живых.

Несмотря на то что на первых порах колонисты в известной мере подняли аграрное производство по сравнению с тем уровнем, который существовал в Заэльбье ранее, в дальнейшем наступил период застоя и в известной мере регресса. Это объясняется рядом причин. У большинства крестьян не было достаточно тягловой силы и рабочих рук, чтобы должным образом содержать все свое хозяйство. Повсюду хозяйство велось экстенсивным способом. Натуральный характер и экстенсивное ведение хозяйства на востоке от Эльбы при ряде преимуществ его по сравнению с западом являлось главным своеобразием Заэльбья, накладывая на него печать отсталости.

Серьезные изменения происходили в заэльбской деревне уже в период с XIII в. до последней четверти XIV в.

Решающее влияние на положение крестьянства в указанное время имели изменения, происходившие внутри класса феодалов. Если в период колонизации земля была объявлена собственностью князей, церкви, отдельных потомственных дворян, потомков славянских «принципов» и «приморов», то за полтора-два столетия основным собственником земли в феодальном смысле стало вновь образовавшееся рыцарство. Основной костяк его сложился в ходе преобразования министриалов. Их участие в военных походах против славян, а затем в сражениях в ходе феодальной междоусобицы чрезвычайно укрепляло их позиции по отношению к территориальным князьям и церкви. Главное, что в ходе этих событий им присваивались дворянские титулы, давались лены и предоставлялись различные льготы. По мере развертывания этого процесса они добивались все новых уступок со стороны территориальных князей. Земля все более прочно переходила в их руки. Исчезали компактно расположенные земельные массивы, принадлежавшие одному собственнику. Деревни становились собственностью многих феодалов. Происходило раздробление феодальной земельной собственности. В пределах одной деревни лежали вперемешку владения разных феодалов. Деревня стала платить ренту не одному, а многим господам. По существу, к востоку от Эльбы сложились такие же отношения, как и на западе.

Историкам не удалось выяснить, как, каким путем рыцарство захватило земли. Предполагается, что рыцари за деньги приобретали земли старост и присваивали себе пустовавшие крестьянские наделы. Выкупив тяготевшую над этими наделами ренту, они становились их собственниками. Вместе с при-

обретением надела старосты рыцарь становился судьей и обладателем всех функций старосты. В руках рыцарей сосредоточивалась постепенно огромная экономическая, судебная и полицейская сила.

Если в конце XIII в. рыцарям удалось добиться постоянного земельного налога с крестьянских гуф в пользу князя, то к 1375 г. этот налог, по крайней мере в Бранденбурге, взимался в основном в пользу самих рыцарей.

Повсеместно к последней четверти XIV в. победила ленная система, отсутствовавшая на первых порах. Ленные держатели присваивали себе все доходы с земли. Они получали судебные штрафы, пошлину, земельный налог.

Новые собственники земли все больше ориентировались на рынок. В целях товарного производства они все больше притесняли крестьян. Однако крестьяне все еще оставались свободными. Они могли оставлять свой надел и переселяться на надел другого господина или вообще забрасывать землю.

* *
*

В 1375 г. по указанию Карла IV в Бранденбурге была проведена перепись, которая дает первую точную картину положения крестьянства во всем маркграфстве.

По этой переписи в Бранденбурге немногим меньше одной трети всех гуф было освобождено от феодальных повинностей и налогов. Исследователи называют их рыцарскими, священническими, церковными, шульцскими. Основная часть состояла из гуф, с которых взимался чинш. Поэтому их называют чиншевыми, хотя сам этот термин в переписи не встречается.

По величине деревни были разными. В Альтмарке имелись деревни с количеством гуф от 4 до 40 и выше. В среднем на одну деревню приходилась 21 гуфа. В 153 деревнях насчитывалось 3311 гуф, из них 234,5 (7 %) рыцарских.

В Миттельмарке деревни имели от 7 до 124 гуф, в среднем по 41 гуфе. В 416 деревнях насчитывалось 17 425 гуф, из них принадлежало рыцарям 1483 гуфы (10 %).

В Уккермарке деревни имели от 10 до 94 гуф, в среднем по 40 гуф. В 153 деревнях и рыночных местах насчитывалось 7522 гуфы, из которых 1081 (14 %) было рыцарских.

Кроме рыцарских, от всяких поборов были освобождены также гуфы священников, церкви и старост. Во всем Бранденбурге таких гуф насчитывалось 2407. Таким образом, во всем Бранденбурге на 19 799 цензовых гуф (70 %) приходилось 8282 (около 30 %), с которых не взимались обычные феодальные поборы. Во всем маркграфстве в 1375 г. преобладали, следовательно, гуфы, находившиеся в руках крестьян. Крестьяне повсеместно платили 3 основных вида поборов: чинш, аренду и налог.

Чинш, как отмечают исследователи, взимался в неизменяемых со времен колонизации размерах. Аренда в Бранденбурге, как и в других княжествах, оформилась к концу XIII в. как постоянная плата. По мнению Мюллера-Мертенса, аренда в таком виде оформилась из различных колеблющихся из года в год поборов, среди которых главное место занимала десятина³². Само название «аренда», как известно, предполагает договоренность между получателем и плательщиком аренды. Аренда конца XIV в. устанавливалась феодалом, который при пересчете неопределенных поборов в твердую ежегодную плату имел возможность определить ее размеры в свою пользу. Только в редких случаях крестьянину удавалось снизить размеры этого вида ренты.

В Мекленбурге и Померании аренда являлась результатом слияния чинша, десятины и более мелких поборов. Но вряд ли по этой причине крестьян данных областей следует считать арендаторами, для которых предполагается договор, заключенный на свободных началах. А размеры аренды в XIV в. везде определялись только феодалом.

Характерно, что земельный налог к 1375 г. сильно возрос. Если в 1280—1282 гг. он был равен $\frac{1}{10}$ чинша, то к 1375 г. увеличился в Альтмарке в 3 раза, в отдельных районах Миттельмарки вырос на 250—400 % (в Цаухе на 250, Гавелланде — 300, Барниме — 350 и Телтове — на 400) и в Уккермарке на 400 %. Теперь земельный налог взимался не князем, а преимущественно рыцарями, которые к этому времени стали деревенскими судьями.

По земельной переписи видно, что в Альтмарке чинш, аренда и поземельный налог взимались одним и тем же феодалом-рыцарем. Это оценивается как неопровержимое доказательство силы рыцарства.

В Миттельмарке все три составные части ренты взимались раздельно, что свидетельствует о слабости рыцарства в этом районе. В Уккермарке дворяне уже в период колонизации взимали не только чинш, но и десятину, что тоже говорит о силе дворян и слабости герцога в этой части Бранденбурга. Маркграфы, пришедшие здесь к власти в 1234—1250 гг., не были в состоянии изменить сложившееся положение.

В Альтмарке рента была выше, чем во многих районах, и составляла 1,36 условной единицы. В Миттельмарке она колебалась в пределах от 0,59 до 1,17 условной единицы. Обычно объясняют эту разницу тем, что гуфы в Миттельмарке были меньше, чем в Альтмарке. Однако в Уккермарке они были еще меньше, а рента в среднем составляла 1,5 условной единицы. Правильное объяснение этому, на наш взгляд, дает Мюллер-Мертенс: в Уккермарку хлынуло рыцарство из Померании, где оно занимало довольно твердые позиции по отношению к князю³³. По настоянию дворян здесь были установлены порядки,

существовавшие до этого в Померании и довольно большой части Мекленбурга.

Если в основном чинш и аренда или просто аренда, как это имело место в Мекленбурге и Померании, были твердыми феодальными поборами, то земельный налог везде возрастал.

Перепись не содержит данных о размерах барщины, но и не оставляет сомнения в том, что крестьяне выполняли барщину на феодальной пашне, строительстве мостов, дорог и крепостей во время военных столкновений.

Значительные сдвиги происходили в положении крестьян с конца XIV до конца XV вв.

В это время усилился рост спроса на зерно в таких странах, как Англия, Нидерланды, Франция, Испания. Заэльбье постепенно втягивалось во внешнеторговые связи, что приводило к более быстрому развитию товарного хозяйства. В сельском хозяйстве Заэльбья в то время имелись две силы, которые разными путями могли вступить на путь товарного производства: крестьяне, которым принадлежало не менее $\frac{2}{3}$ пахотной земли, и рыцари с шульцами, владевшие почти всей остальной землей³⁴. Причем, как подчеркивается историками, крестьянские хозяйства были по своим размерам достаточно крупными — от 16 до 40 га. Если учесть, что шульцы, в сущности, тоже могли быть крестьянами, то не остается сомнения, что размеры крестьянских хозяйств были достаточными для товарного производства.

Но для этого крестьянам недоставало тягловой силы, рабочих рук, новых орудий труда, удобрений. О малом количестве рабочих рук свидетельствует и то, что во многих местах гуфы пустовали или обрабатывались частично.

Иным было положение рыцарских хозяйств. По размерам, как мы видели, они были еще больше крестьянских, а главное, обрабатывались барщинным трудом крестьян. Для рыцарей вставал вопрос о товарном производстве в плане увеличения барщины и установления гарантийных условий барщинного труда, т. е. им надо было увеличить число барщинников, сделав их крепостными.

С XV в. рыцари превращают свои дворы в фольварки, т. е. в хозяйства, где трудятся крепостные крестьяне как барщинники, а их малоземельные родственники в качестве принудительной наемной рабочей силы. Этот процесс продолжался до XVII в., когда юридически было оформлено второе издание крепостного строя.

Характерно, что перепись 1375 г. не знает фольварков в Бранденбурге. Их, возможно, тогда и не было еще в остальной части Заэльбья. Начав в XV в. с создания фольварков на собственных рыцарских дворах, дворяне постепенно присваивали себе пустовавшие крестьянские наделы и часть тех крестьянских наделов, с которых им удалось вытеснить прежних вла-

дельцев. Во многих местах крестьяне, лишенные гуфных наделов, переселяются на худшие земли, где они составляют социальную категорию огородников и коссэтов.

Характерно, что дворянство было заинтересовано в сохранении такого количества крупных крестьянских хозяйств, какое было необходимо для того, чтобы их тягловой силой и инвентарем обрабатывать рыцарские фольварки. Однако все сельское трудовое население — крестьяне, сидевшие на гуфной земле, коссэты и огородники, владевшие огородной землей в 2—4 моргена, постепенно прикреплялось к земле, обязывалось нести барщину либо со своим инвентарем и тягловой силой, либо трудиться вручную.

Крестьяне, сохранившие свои наделы и весь необходимый инвентарь и тягловую силу, конечно, были менее способны производить товарный хлеб в своем хозяйстве. Однако они полностью не были лишены такой возможности. Во всяком случае, часть из них богатела и в дальнейшем содержала рабочий скот и наемных людей, которых направляли вместо себя на барщинные работы.

В последнее время историки стали утверждать, что господство над имением (*Gutsherrschaft*) сложилось в Заэльбье не во время колонизации, а к XIV в., возможно, даже только в течение XV в. И только после этого началось оформление имения хозяйственного значения (*Gutswirtschaft*)³⁵. Следовательно, захват дворянами (рыцарями) двора деревенского старосты, наличие рыцарского двора, сосредоточение в руках рыцарей судебных и полицейских функций — все это происходит в период господства натурального хозяйства. Развитие рыцарских фольварков — результат успехов товарного производства в деревне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Henning F.-W. *Herrschaft und Baueruntertänigkeit*. Würzburg, 1964.

² Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. М., 1915, с. 594, 599.

³ Abel W. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert*. Stuttgart, 1962.

⁴ Lütge F. *Geschichte der deutschen Agrarverfassung vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert*. Stuttgart, 1963.

⁵ Franz G. *Geschichte des deutschen Bauernstandes vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert*. Stuttgart, 1970.

⁶ *Deutsche Geschichte*. Berlin, 1965. Bd. 1, S. 312—328.

⁷ Müller-Mertens E. Hufenbauern und Herrschaftsverhältnisse in brandenburgischen Dörfern nach dem Landbuch Karls IV von 1376. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität*. Berlin, 1951/1952, H. 1.

⁸ Schulze J. *Die Mark Brandenburg*. Berlin, 1961, Bd. 1, S. 18—22.

⁹ Fuchs C. J. *Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften*. Strassburg, 1888, S. 13.

¹⁰ *Ibid.*, S. 13—14.

¹¹ *Deutsche Geschichte*, Bd. 1, S. 310.

- ¹² Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения..., с. 599 и др.
- ¹³ Lütge F. Geschichte ... , S. 103.
- ¹⁴ Das Landbuch der Mark Brandenburg von 1375. Herausgegeben von Schultze J. Berlin, 1940; Das Landregister der Herrschaft Sorau von 1381. Herausgegeben von Schultze J. Berlin, 1936.
- ¹⁵ Müller-Mertens E. Hufenbauern ... , S. 59.
- ¹⁶ Fuchs C. J. Der Untergang ... , S. 16—18.
- ¹⁷ Mager F. Geschichte des Bauerntums und der Bodenkultur im Lande Mecklenburg. Berlin, 1955, S. 50.
- ¹⁸ Fuchs C. J. Der Untergang ... , S. 18.
- ¹⁹ Müller-Mertens E. Hufenbauern ... , S. 39.
- ²⁰ Mager F. Geschichte ... , S. 50. Подробнее о «немецкой» и «фламандской» гуфах см.: Kuhn W. Vergleichende Untersuchungen zur Mittelalterlichen Ostsiedlung. Köln—Wien, 1973, S. 1—51.
- ²¹ Fuchs C. J. Der Untergang ... , S. 27—28.
- ²² Mager F. Geschichte ... , S. 33.
- ²³ Lütge F. Geschichte ... , S. 104—106.
- ²⁴ Das Landbuch der Herrschaft Sorau von 1381. Berlin, 1936, S. XXXI.
- ²⁵ Boëlcke W. Wandlungen der dörflichen Sozialstruktur während Mittelalter und Neuzeit.—Wege und Forschungen der Agrargeschichte. Frankfurt am Main, 1967, S. 83.
- ²⁶ Müller-Mertens E. Hufenbauern ... , S. 48.
- ²⁷ Ibid., S. 50.
- ²⁸ Mager F. Geschichte ... , S. 41—67.
- ²⁹ Ibid., S. 35.
- ³⁰ Mottek H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Berlin, 1957, Bd. 1, S. 126—128.
- ³¹ Mager F. Geschichte ... , S. 65.
- ³² Müller-Mertens E. Hufenbauern ... , S. 48—50.
- ³³ Ibid., S. 57.
- ³⁴ Ф. Лютге утверждает, что крестьянам принадлежали $\frac{5}{6}$ всей земли во всем Заэльбье.
- ³⁵ Mager F. Geschichte ... , S. 74—76; Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschland. München, 1951, S. 356.